

ИРАДА ВОВНЕНКО: «ИСКУССТВО ПОЗВОЛЯЕТ ВЕРИТЬ, ЧТО ВСЕ ПРОИСХОДЯЩЕЕ — ПРАВИЛЬНО»

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

В новом романе «Примавера» Ирады Вовненко критики отметили новизну жанра для автора: эволюцию от романтической прозы к более широкой теме влияния искусства на человеческую судьбу. Обращение к этой теме неудивительно: культуролог и филолог по образованию, Ирада работала в музее «Царское Село» и в Исаакиевском соборе, а сейчас занимается внешними связями и культурными проектами в Юсуповском дворце.

— На протяжении многих лет вы совмещаете два занятия: работу в петербургских музеях и литературу. Какое из них для вас важнее на сегодняшнем жизненном этапе?

— Недавно я окончательно пришла к выводу, что больше всего в жизни мне нравится писать и читать, — и я готова заниматься этим с утра до вечера. Я поняла, что за двумя зайцами угнаться невозможно. Есть, правда, несколько проектов, которые я должна завершить в Юсуповском дворце, прежде чем уйти в творческий отпуск. Скоро мы откроем выставку подлинных предметов из частных коллекций, принадлежавших семье Юсуповых. В Николаевском зале дворца, где раньше экспонировалась живописная коллекция Юсуповых, мы хотим провести выставку работ Сальвадора Дали. Кроме того, готовим выставку художника Юрия Купера и издание книги его стихов, прочесть которые приедут Анастасия Вертинская, Никита Михалков и Вениамин Смехов. Именно Юрий Купер — а он мой большой друг — сказал мне однажды: «Художник — это образ жизни». Этой фразой он помог осознать, что как бы я ни любила свою работу в музее, сложно переключаться между ней и литературой.

Я всю жизнь пыталась не просто плыть по течению, а созидать, прикладывая усилия. Но наступил период, когда я поняла, что больше не знаю ответов на вопросы. Если еще год назад на встречах с читателями я уверенно говорила о каких-то вещах, то сейчас я больше не могу назвать ни одной формулы успеха. Хочется остановиться, пожить в состоянии, когда ничего не ждешь, а просто делаешь то, что нравится. Когда можешь гулять вдоль океана столько, сколько тебе захочется, никто не останавливает и не напоминает о делах. Когда можешь читать не только то, что нужно, но и то, что хочешь.

— А что хочется читать? Вы часто говорите, что не читаете современную литературу, почему?

— Мне больше нравится перечитывать классику: каждый раз открываю для себя удивительные вещи. Недавно с таким удовольствием перечитала «Повести Белкина» — хотя, казалось бы, это литература из школьной программы. Часто перечитываю Достоевского, и с каждым разом смотрю на его произведения совершенно по-иному: понятно, что это банальные слова, но Достоевский дошел до невероятной глубины в понимании природы человека. Хотя недавно я открыла роман «Декоратор» Тургрима Эггена — нашего современника, норвежского автора, — и не смогла выпустить из рук: и необычный сюжет, и психологизм, и философские размышления.

— Вы называли в качестве своего ориентира Франсуазу Саган. А что именно в ее произведениях вас привлекает?

— Честно говоря, для меня Саган — это прошедший период. Сейчас мой фокус внимания шире, чем только отношения мужчины и женщины. Книги Франсуазы Саган — это один из лучших примеров так называемой женской литературы: они, как фильмы Вуди Аллена, легки для восприятия и глубоки по смыслу одновременно. Не могу сказать, что мне больше не нравится Саган: я просто больше не хочу никому подражать и не хочу никому ничего доказывать. Хочу быть собой.

— Для вас вообще существует понятие «женская литература»? Что вы вкладываете в него?

— Общаясь со многими мужчинами — мужем, сыновьями, друзьями — музыкантами, художниками — я прихожу к выводу о том, что мужчина, в отличие от женщины, может концентрироваться на определенной теме, уходить вглубь, забывая обо всем другом. Как Герман Гессе, который писал, убежав из семьи, гуляя по барам. А если бы его жена сделала так — представляете себе такое? Женщине сложнее концентрироваться, для нее важен мир любви и гармонии, любовь — главное в ее жизни. Хотя, разумеется, всегда есть исключения, все относительно.

— Готовы ли вы зарабатывать на жизнь исключительно литературой? В прошлых интервью вы говорили, что не хотели бы коммерциализировать свое творчество.

— Это была ошибка. Сейчас моя самая большая мечта — зарабатывать литературой, получать деньги за свой творческий труд. В творчестве действует правило: получишь ровно столько, сколько вложишь. Из-за нехватки времени я до сих пор вкладывала недостаточно. Чтобы написать что-то интересное, идущее изнутри, нужно много работать, писать и переписывать.

Хотя зарабатывать деньги писательским трудом в России сложно: у нас нет книжного бизнеса, в отличие от тех же Соединенных Штатов. У нас нет ни маркетинга, ни умения правильно продвигать литературу, выстраивать бизнес-системы. Но мне повезло: у меня хороший муж, который с радостью потерпит мой творческий отпуск. Нельзя же все время находиться в гонке: это опустошает. Обманывать себя — самое страшное. Как фурункул, самообман все равно прорвется, но может быть слишком поздно. Нужно к себе прислушиваться, задавать себе вопросы и честно на них отвечать.

— Прислушивались ли вы к себе, когда поступали в университет учиться истории русской культуры? В российском кино, например, образ работницы музея часто сопровождается бедностью и бытовой неустроенностью — как в фильме «Два дня» у Дуни Смирновой. Не было ли у вас опасений воплотить подобный образ, когда выбирали сферу образования?

— В нашей культуре есть негативное отношение к деньгам, противопоставление богатства высоким моральным качествам. А я, между тем, знакома со многими бизнесменами-миллионерами. Я убеждена, что деньги — это свобода. И если бы у меня было много денег, я бы смогла помогать молодым художникам, которые еще не начали зарабатывать своим творчеством.

Что касается выбора сферы образования, то у меня была испорченная молодость: мой папа был обеспеченным, и я могла выбирать образование, не задумываясь о будущем заработке. Если уж совсем откровенно, мне хотелось стать актрисой. Но почему-то не хватило уверенности в себе: казалось, что мои способности посредственны. Тогда я сочла, что изучение истории русской культуры, а затем немецкого языка — это более правильно. И теперь я всех предупреждаю от того, чтобы выбирать рациональный путь. О своем решении я, впрочем, не жалею: я нашла себя в литературе, хотя поиск потребовал много сил. Поэтому я и утверждаю, что нельзя обманывать себя. Долгой и витиеватой дорогой я пришла к тому, что мне нравится, и теперь не хочу это упустить.

— Центральная тема вашего последнего романа «Примавера» — влияние искусства на человеческую жизнь. Почему эта тема для вас ценна?

— Это действительно важная для меня тема. Мне приходилось общаться со многими художниками и музыкантами, и я знаю: люди в искусстве — без кожи. Они ранимые и эгоцентричные, в них — симбиоз чувствительности и амбициозности, беспомощности и силы, в них уживается огромный спектр чувств. И именно в творчестве человек проявляет самое лучшее, самое красивое, что есть в нем. Мой старший сын — он музыкант, живет в Нью-Йорке — недавно выпустил сингл под названием In the City. Он объяснил мне, что хотел этой песней передать свое состояние одинокого человека в большом городе — чтобы, может быть, кому-то от нее стало легче. И я понимаю, что это правильно: ты поделишься своими чувствами — и кому-то станет легче. Все сложные и яркие эмоции художника компилируются в творчестве и несут мощный заряд жизнеутверждения. Поэтому произведения искусства позволяют верить в то, что все происходящее — правильно, что существует замысел, что у каждого человека есть выбор и есть надежда. В это хочется верить — иначе зачем вообще жить.

Александра Яхонтова